

Н. В. МУРАВИЦКАЯ

*г. Омск, казенное учреждение Омской области
«Исторический архив Омской области»*

О ПАСХЕ И «КРАСНЫХ КРЕСТИНАХ» (по материалам партячек, 1923 – 1924 гг.)

Сформировавшееся к исходу 1917 г. партийно-политическое руководство России с самого начала заняло позицию жесткой конфронтации по отношению к Православной Церкви. Богослужение как официальное государственное действо было советской властью упразднено, а как обряд Православной Церкви – подвергнуто публичному осмеянию и преследованию. Однако все эти люди, которые вдруг оказались бойцами Рабоче-Крестьянской Красной Армии, членами РКП (б) и даже ответственными советскими работниками, жили в давно и прочно обустроенном, из поколения в поколение выверенном кругу будней и праздников.

Архивные документы хранят любопытный материал, который позволяет осветить различные грани этой коллизии. В основу данной работы положены материалы бюро ячеек РКП (б) Управления по обеспечению безопасности кораблевождения в Карском море и устьях Сибирских рек (сокращенно – УбекоСибирь) и Сибирского Военно-Топографического Отдела середины 1920-х гг.

В то время к борьбе с религией, ее праздниками и обрядами относились серьезно; и, в частности, антипасхальные кампании начинались в 1920-е гг. задолго до наступления Пасхи. Это не удивительно: Пасха есть один из самых почитаемых православных праздников, почитаемых настолько, что изжить любовь к нему оказалось вообще невозможно.

Уже за месяц до Пасхи, 5 марта 1923 года, коммунисты партиячки УбекоСибирь в рамках проведения антирелигиозной пропаганды на общем партсобрании постановили: «выписать журнал «Безбожник», для чего с каждого члена ячейки собрать по 2 руб.»¹. Получить с каждого партийца по такой крупной сумме не получилось, но, тем не менее, к 25 марта деньги на

два экземпляра «Безбожника» были-таки собраны².

Как «праздновали» военморы Пасху в 1923 г., в документах Партархива не отложилось. Однако вопрос веры продолжал держаться на партийном контроле. Так, в октябре того же года были открыты занятия антирелигиозного кружка Убекосибири при Завагитпропе³.

Вопрос о формах антирелигиозной пропаганды заботил партячейку УбекоСибири всерьез и постоянно – что не удивительно. Партийно-политическое руководство страны лихорадочно искало замену сложившимся нравам и обычаям на новые; причем, наряду с кардинальными мерами, вроде обращения церквей и монастырей в дома культуры, опробовались и более плавные, как бы в режиме адекватной замены. Так, скорее всего, и появилась идея «красных крестин».

В статье «Проведение красных крестин среди омских коммунистов» Т. В. Каиндина пишет: «Большевики, придя к власти, проводили большую работу не только по политизации общества, но и семьи как его ячейки. Важная роль при этом отводилась созданию новой обрядовости. В частности, широкое распространение в 1920-х годах получили «красные свадьбы» и «красные крестины», названные «октябринами» или «звездами». /.../ Весной 1924 г. ЦК ВЛКСМ отмечал, что «введение новой обрядовости, вместо религиозной, стало в рабочей среде массовым явлением»⁴.

Обряд «красных крестин» военморы задумали еще в феврале 1924 г., за 2,5 месяца до Пасхи – благо поводов было достаточно. Так, на заседании бюро партячейки УбекоСибири от 11 февраля 1924 г. по вопросу «Об устройстве красных крестин сына Калашникова» единогласно постановили: провести их совместно с коммунистами ячейки затона реки Оми⁵. К сожалению, информация о мероприятии в архивных документах не сохранилась.

За неделю до Пасхи, 21 апреля 1924 г., на заседании бюро ячейки РКП (б) УбекоСибири, обсуждался вопрос «Об антирелигиозной кампании к Пасхе». Постановили: «Провести антирелигиозную беседу о происхождении Пасхи на партсобрании с целью подготовить членов к кампании и эту же беседу провести

в субботу 26 апреля (т.е. в самый канун Пасхи – Н.М.) на общем собрании команды».⁶

За три дня до Пасхи, 24 апреля, на общем собрании военморов УбекоСибири было решено «вести агитационную пропаганду против Пасхи среди беспартийных»⁷. Здесь же было внесено предложение «провести анти-Пасху», когда «попы пойдут с плащаницей», а «также поставить инсценировку – агитсуд над верующим коммунистом»⁸. Кроме того, «всем товарищам не мешало бы подготовиться, читая на эту тему литературу»⁹.

Примечательно, что в то самое время, когда военморы строили планы, как отврагить народ от празднования Пасхи, общее собрание еще одной воинской части нашего города – Сибирского Военно-Топографического Отдела, бурно обсуждало совсем другой вопрос: праздновать или не праздновать Пасху? Для топографов вопрос об антирелигиозной пропаганде вообще не стоял. Более того, они не только не заклеямили Пасху как антикоммунистический обряд, не только не дали никакой оценки религиозному празднику как пережитку прошлого, но прямо обсуждали вопрос – считать 27 апреля праздником или же рядовым выходным?

В протоколе № 1 общего собрания сотрудников Сибирского Военно-Топографического Отдела от 23 апреля 1924 г. (т.е. за 4 дня до Пасхи) вопрос «Как праздновать Пасху» скромно значится в разделе «Разное» – после докладов «О жизни В.И. Ленина» и «О Пасхе» (т.е. сначала было заслушано о том, кто такой В.И. Ленин, затем – что есть Пасха). Оба доклада, не обсуждая, «приняли к сведенью»¹⁰, после чего разразилась ожесточенная дискуссия; она свелась, собственно, к разрешению двух проблем.

Первая – работать или нет воскресным днем 27 апреля, а если все-таки не работать, то праздновать ли этот день или считать его за «обычный день отдыха»¹¹? Большинство военных топографов склонялись считать 27 апреля обычным воскресеньем и даже говорили в защиту этого мнения о «необходимости обязательного празднования 28 и 27 апреля согласно положения Кодекса Законов о труде»¹². Коммунист Герасимов, например, «указал на необходимость быть солидарным по разбираемому

вопросу с рабочими и служащими Центральных фабрик и заводов и внес предложение праздновать 27-е апреля, 1, 2, 3, и 4 мая, 28-е же апреля работать»¹³. Его сослуживцы высказывали опасение, «что праздник Пасхи в некотором роде демонстрация, и, исключая таковую, необходимо праздновать только обычный день отдыха – Воскресенье»¹⁴.

Вторая проблема заключалась в том, что некоторые коммунисты-топографы высказались против получения аванса накануне 27 апреля, т.к. это выглядело как явное приготовление к празднованию Пасхи: «Предложение т. Герасимова и желание получить перед 27-м апреля аванс говорят сами за себя, и, с точки зрения государственности, не рациональны, ибо выбросить 5 рабочих дней месяца из простых стратегических соображений бесхозяйственно»¹⁵.

Голосованием большинства «за» (при 8 человек «против» из числа сторонников тов. Герасимова) военные топографы Омска постановили: «Считать Субботу и Понедельник рабочими днями, а Воскресенье 27-го апреля праздновать как обычный день отдыха»¹⁶.

Однако вернемся к нашим военморам.

Итак, в 1924 г. Пасха выпала на 27 апреля. К ней готовились всю Страстную седмицу – на заседании партбюро и на общих собраниях военморов УбекоСибири бурно обсуждали: что бы еще придумать, дабы отвлечь народ от праздника? Так, накануне, в субботу, предполагалось провести мощную антирелигиозную кампанию среди членов команды. Продолжались эти обсуждения всю неделю (актив собирался ежедневно!). В субботу, наконец, было найдено решение: провести «красные крестины» в ближайшее время и именно ими «ударить» по «дореволюционным предрассудкам». Непонятно только, почему эту затею не осуществили своевременно, т.е. на само Светлое Христово Воскресение. Не нашлось подходящего младенца или достаточно дерзких родителей? Или же, как говорится, «хорошая мысль приходит опосля»?

3 мая 1924 года состоялось «общее собрание военморов и военнотружущих УбекоСибири», где было решено в ближайшее время организовать «октябрины новорожденного сына

военнослужащего УбекоСибири т. Шумцова»¹⁷. В докладе по поводу нового обряда была проведена параллель между крестинами и октябринами, подчеркнуто значение последних. По организации октябрин было решено: «октябрины устроить в клубе водников, принять над новорожденным шефство», а для организации праздника сделать «1% отчисление от мартовского заработка»¹⁸.

В мае 1924 г. личный состав УбекоСибири напряженно готовился к очередной навигации. Понятно, что и воскресным днем 11 мая выходного ни для кого не было. Лишь в 19:00 открылось, наконец, торжественное заседание «личного состава УбекоСибири в честь красных крестин сына сотрудника УбекоСибири Николая Шумцова и его жены Ефросинии Шумцовой»¹⁹.

Заседание открыл приветствием супругов Шумцовых от 1-го райкома РКП (б) и «Словом о новом быте» представитель райкома товарищ Вальк, который поведал народу, что «старый быт – это остатки старых языческих времен, обрезание и купание в купели младенцев и старый быт приносил немало жертв от таких обычаев. Советская власть положила предел этому, и мы видим, что новый быт прививается к рабоче-крестьянской массе. /.../ Старый быт – это сильный враг, с которым придется вести многолетнюю борьбу. /.../ Но мы будем продолжать эту борьбу, ибо эта победа /.../ над старым бытом будет последним врагом в смысле затемнения пролетарских масс, и эту победу нужно закончить, и тогда только мы установим коммунизм»²⁰.

Далее «красно-крещающегося» младенца приветствовали представители от личного состава УбекоСибири, от коллектива РКП (б) и РКСМ, от Союза Водников и от Союза Нарпит²¹.

Затем, согласно протоколу, «на приветствия отвечает отец новорожденного т. Шумцов, который благодарит за приветствия и весь личный состав УбекоСибири за отзывчивость на его просьбу – устройство октябрин»²².

Шумцов «кратко описал биографию себя и жены, что мы, мол, оба беспартийные, но не веруем религиозным обычаям, т.к. мы удостоверились на факте, что это только лишь поповская выдумка к затемнению трудящихся /.../ я ждал этого момента, когда у меня будет новорожденный, то не пойду к попу, т. к. Со-

ветская власть не обязует к этому»²³. Заканчивая свое ответное слово, т. Шумцов говорит: «Я буду воспитывать своего сына в духе ленинизма и Ваши пожелания оправдаю»²⁴.

После вступительных речей тов. Карявин (представитель от РКИ и РКСМ) говорит, что «по желанию супругов Шумцовых имя новорожденному дается Лев в честь выздоровления и возвращения к исполнению своих обязанностей Предреввоенсовета Республики – вождя Красной Армии и Флота – Льва Давыдовича Троцкого»²⁵.

Далее «Под звуки Интернационала т. Гагунов принимает от супругов Шумцовых новорожденного (это понятно: кому же исполнять обязанность попа, как не комиссару части – Н.М.) со словами, что, принимая вновь вступающего гражданина в наше общество, мы, личный состав УбекоСибири, берем шефство над этим вновь вступающим гражданином в нашу среду. Затем т. Гагунов передает отцу новорожденного книгу «Марксистскую хрестоматию» (Т. В. Каиндина предполагает, что «речь идет об «Азбуке Революции» Н. Бухарина и Е. Покровского, которую в 1920-е гг. было модно преподносить в качестве подарка»²⁶ – Н.М.), говорит, что эта книга будет путеводной звездой молодого Льва Николаевича Шумцова»²⁷.

И, наконец, опять же «под звуки Интернационала т. Гагунов передает новорожденного родителям»²⁸.

На следующий день был подготовлен официальный документ, подтверждающий свершившееся действие. Стилистика и грамматика документа оставлены при публикации без изменений.

«Адрес от Личного состава УбекоСибири и Обской Лоцдистанции.

Сотруднику УбекоСибири Шумцову Николаю и его супруге Ефросинии Шумцовой в честь красных октябрин их новорожденного сына Льва Шумцова.

Весь личный состав УбекоСибири и Обская Лоцдистанция приветствует Вас, как людей, которые не на словах, а на деле начали строить новый трудовой пролетарский быт, которые в основу миропонимания, в лице октябрин, кладут не веру в сверхъестественные существа «боги», а в коллективный человеческий труд (общественно-полезный коллективный труд).

Не религией вы хотите воспитать своего сына, а коллективным человеческим опытом (наукой), не крест и евангелие с рабским чувством эксплуататора миллионов людей, а книга классовой борьбы, которая посвящается сознание массы.

С молоком матери пусть впитает маленький сын Великой Коммуны ту жгучую ненависть к кровожадным вампирам – капиталистам.

Мы, команда УбекоСибири и Обская Лоцдистанция, партийные и беспартийные, все, как один, в торжественный час Октябрин заявляем, что сего дня 11-го мая 1924 года, со дня Октябрин Вашего сына Льва, берем на себя шефство над Вашим сыном.

Обязуемся всемерно помогать и заботиться над его воспитанием в духе коммунизма. Со своей стороны требуем того же и от родителей»²⁹.

4 июня того же 1924 г. еще один красный военмор пожелал «октябрить» своего сына.

«В ячейку РКП.б. УбекоСибири военнослужащего Михаила Зубкова. Заявление.

Настоящим прошу ячейку устроить моему новорожденному сыну октябрины. Я, как кандидат РКП(б), уже в силу этого не могу пойти по дедовским обычаям в церковь. То же думает и моя жена, беспартийная Татьяна Зубкова. Просим ячейку не отказать в нашей просьбе и дать имя новорожденному по вашему усмотрению»³⁰.

8-го июня 1924 г., через 4 дня после подачи в партячейку заявления, состоялось торжественное заседание 8-го Губернского съезда РКСМ Омской организации совместно с подшефной частью УбекоСибири и гражданами села Чернолустье, «в честь красных крестин сына сотрудника УбекоСибири в/сл ЗУБКОВА Михаила и его жены ЗУБКОВОЙ Татьяны»³¹.

Как и в первом случае, праздничный ритуал открывается хвалебным словом о новом быте, проводится «параллель между старым бытом и новым», отмечается, что «старый быт - это затемнение ума человека религиозным дурманом, который гласит к рабству и покорности, а новый быт - это путь к светлому будущему коммунизму»³².

Коммунист Черкасов говорит, что «в президиум поступило

предложение съезду взять шефство над новорожденным и Единогласно постановили дать имя новорожденному КИМ»³³.

Уже по установленному сценарию, М. Зубков, отец новорожденного, благодарит съезд за красные крестины и дает слово, что сына будет воспитывать не так, как воспитывали его – верить и бояться гнева свыше, а в духе коммунизма.

Далее следуют приветственные речи. Тов. Соболев от имени съезда говорит, что КИМ, когда будет большой, то не будет искать в календаре свой день ангела, «а будет гордиться, что его имя» дано в честь «великого Союза Коммунистической молодежи»³⁴. Тов. Карявин приветствует от имени комячейки Убеко-Сибири и говорит, «что в старом быте новорожденного со дня крещения превращают в раба, если раньше крестили с водой и кадиллом, то мы делаем торжество под звуки Международного пролетарского гимна»³⁵. Тов. Беляев от имени юных пионеров приветствует новый быт и родителей новорожденного, надеется, что КИМ будет тоже юным пионером и подносит новорожденному пионерский галстук.

Президиум поручает принять на руки новорожденного тов. Карявину, и он под звуки Интернационала принимает ребенка от родителей. Слово и поднесение подарков предоставляется комиссару части Гагунову. В числе подарков имеется «Азбука коммунизма история РКП (б)»³⁶. Гагунов говорит, «что когда подрастет КИМ, он будет изучать и пойдет по стопам коммунизма. Пусть этот скромный подарок будет путеводной звездой для КИМА»³⁷.

Разумеется, Ким Михайлович Зубков также получил «крещальное свидетельство» – памятный Адрес. Его торжественное зачитание предоставляется тов. Карявину. Считаю излишним воспроизвести здесь и этот примечательный документ.

«Адрес от ячейки Р.К.П.(б) УбекоСибири
военно-служащему кочегару г/с (гидрографического судна.
– Н.М.) «МАНИХА» ЗУБКОВУ Михаилу и его супруге Татьяне
ЗУБКОВОЙ

в честь красных октябрин их сына КИМА ЗУБКОВА.

Ячейка Р.К.П.(б) УбекоСибири приветствует вас как пионеров в строительстве нового пролетарского быта, которые в ос-

нову воспитания своего сына в лице Красных октябрин кладут не веру в сверхъестественные существа, бога, а веру в коллективный общественно-полезный человеческий труд.

Не религией и невежеством Вы хотите руководствоваться в воспитании своего сына, а коллективным трудовым человеческим опытом, наукой, не крест и евангелие с рабским чувством к эксплуататорам миллионов людей, а книга Классовой борьбы явится руководителем в воспитании Вашего сына, будущего коммунара.

С молоком матери пусть впитает маленький сын великой коммуны ту жгучую ненависть к кровожадным вампирам капиталистам.

Мы, ячейка Р.К.П.(б) УбекоСибири, в торжественный час октябрин Вашего сына КИМА берем на себя шефство над ним. Обязуемся всемерно помогать и заботиться над воспитанием Вашего сына КИМА ЗУБКОВА в духе коммунизма³⁸.

Торжественное заседание под звуки Интернационала закрывается.

А вот дальше дело приняло никак не предвиденный красными военморами оборот.

17 декабря 1924 г. в партячейку поступило «Подлинное письмо матери Кима Зубкова в партийную организацию УбекоСибири, взявшей шефство над ее сыном в прошлом году»³⁹. Этим письмом Татьяна Зубкова обратилась к «восприемникам» и крестным, т.е. «октябристским отцам» своего сына со следующей проблемой: с мужем разошлась, он уехал и денег на ребенка не дает.

«Я, как мать ребенка, обязана известить ячейку УбекоСибири о своем восприемнике, чтобы забыть своего маленького коммунара, так как вы обязуетесь воспитывать его в коммунистическом духе, то я как мать ребенка прошу ячейку УбекоСибири поддержать своего маленького коммунара Кима Зубкова и в материальном положении, так как я сама безработная и приходится переживать сильную нужду. И вот я прошу ячейку Убекопомочь сколько можно поддержать своего маленького коммунара. Вы знаете, как тяжело прожить с ребенком зимой без копейки денег и без медицины, прошу помочь своему приемышу на воспитание его»⁴⁰.

Логика у Татьяны Зубковой железная: коли вы, боевые товарищи моего мужа, назвались «красными крестными», т.е. «красными шефами» – извольте исполнять долг крестных отцов в отношении «маленького коммунара». К сожалению, мы не знаем, какой вердикт вынесла партиячейка УбекоСибири по поводу вышеназванного документа: архив не сохранил продолжение этой трагикомической истории.

Обряд может по жизни обрести разные формы, форма обряда часто определяется требованиями места и времени. Очевидно, что привычного таинства крещения теперь, в 1920-е гг., для военморов РККФ не могло быть по определению. И нужно согласиться: красные военморы УбекоСибири были в данном случае очень даже правы. Если над новорожденным не может совершиться таинство в храме, то пусть будут, по крайней мере, «красные крестины» и «Интернационал» хором: ведь хоть что-то таинственное во всяком случае должно совершиться над младенцем!

---

¹ГИАОО, Ф. П-9, ОП. 2, Д. 280, Л. 9

²ГИАОО, Ф. П-9, ОП. 2, Д. 279, Л. 12

³ГИАОО, Ф. П-9, ОП. 2, Д. 210, Л. 148

⁴Каиндина Т.В. Проведение красных крестин среди омских коммунистов. //Архивный Вестник. № 14. Омск, 2006, С. 193

⁵ГИАОО, Ф. П-9, ОП. 2, Д. 385, Л. 14

⁶Там же, Л. 50

⁷ГИАОО, Ф. П-9, ОП. 2, Д. 384, Л. 31

⁸Там же

⁹Там же

¹⁰ГИАОО, Ф. П-9, ОП. 2, Д. 374, Л. 17

¹¹Там же

¹²Там же

¹³Там же

¹⁴Там же, Л. 17об.

¹⁵Там же

¹⁶Там же

¹⁷ГИАОО, Ф. П-9, ОП. 2, Д. 375, Л. 21об.

¹⁸Там же

¹⁹ГИАОО, Ф. П-9, ОП. 2, Д. 384, Л. 32

²⁰Там же

²¹Там же

²²Там же

²³Там же

²⁴Там же

²⁵Там же

²⁶Каиндина Т.В. Проведение красных крестин среди омских коммунистов. //Архивный Вестник. № 14. Омск, 2006. С. 196

²⁷ГИАОО, Ф П-9, ОП. 2, Д. 384, Л. 32

²⁸Там же

²⁹ГИАОО, Ф П-9, ОП. 2, Д. 375, Л. 31

³⁰ГИАОО, Ф П-9, ОП. 2, Д. 384, Л. 35

³¹Там же, Ф П-9, ОП. 2, Д. 384, Л. 37

³²Там же

³³Там же

³⁴Там же

³⁵Там же

³⁶Там же

³⁷Там же

³⁸Там же. Л. 33

³⁹Там же. Д. 376, Л. 191

⁴⁰Там же